

УДК 808.1

Ивинский А.Д.

КУЛЬТУРА И БЕСТИАРНОСТЬ

Аннотация. В рецензии описывается сборник статей «Риторика бестиарности» (Москва, 2014). В нем представлены работы по медиевистике, истории новой и новейшей русской и европейской литератур, по лингвистике, искусствоведению, культурологии.

Ключевые слова: бестиарий, история литературы, культурология, лингвистика, искусствоведение, риторика.

Рецензируемая книга [1] – сборник статей по материалам третьей международной научной конференции «Риторика бестиарности», которая прошла 27-28 сентября 2013 г. в РГУ. Сборник получился чрезвычайно разнообразным как тематически, так и методологически. Здесь представлены работы по медиевистике, истории новой и новейшей русской и европейской литератур, лингвистике, искусствоведению, культурологии, киноведению и политологии.

Бестиарная тема сопровождает культуру от ее истоков, приобретая время от времени особенно выразительное звучание. Так происходит, например, тогда, когда миф вторгается в сферу актуальной политической идеологии (о некоторых возможных результатах такого вторжения, в том числе вполне бестиарных, см., в т.ч., в хрестоматийно известной книге Жоржа Дюмезиля «Мифы и боги германцев»). Так происходит и тогда, когда бестиарная символика работает «на границе»

нескольких смысловых полей культуры, связывая, скажем, миры поэзии и живописи, апеллируя при этом то к длительной традиции формотворчества, то к разного рода оккультным доктринам, то к «диалогическим» аспектам «интертекста», то к шизофрении постмодерна. В последнем случае актуализируются смыслы, устремленные как в будущее – различные версии «трансгуманизма», – так и в прошлое культуры, по крайней мере, к тем аспектам этого прошлого, которые предполагали испытание хрупкости границы между человеком и животным. А поскольку хрупкость оказывалась сплошь и рядом не только очевидной, болезненной, но и

чрезвычайной («человек-зверь», вампир, оборотень, маньяк, на худой конец, близкий родственник и/или убежденный единомышленник приснопамятного Тараса Скотинина), трансгуманная идея ментального протезирования обретает статус спасительного выхода/исхода из проклятого мира, в котором царит бестиарно-материальное начало и который обречен на гибель, как и человек – ветхий, неусовершенствованный, человек-животное.

Составители и авторы рецензируемого сборника предлагают читателю интересные темы, обыгрывают некоторые их аспекты, однако не выходят за рамки академического стиля самовыражения, демонстративно отказываясь от обсуждения общих вопросов и сосредотачиваясь на частных эпизодах культурной истории.

Общая композиция сборника та же, что и двух предыдущих: две части, «Россия» и «Запад». По сравнению с предшественниками, третий «бестиарный сборник» значительно увеличился в объеме (270 стр. против 183 и 165 в первом и втором). Можно говорить об определенной тематической преемственности: сформировалась группа исследователей, которая публикует свои работы во всех его выпусках.

Так как текст книги открывается обстоятельными аннотациями ко всем вошедшим в нее статьям, мы считаем возможным ограничиться обсуждением тех из них, которые представляются наиболее показательными.

В статье А.В.Архангельской «Люди и звери в баснях и фацециях: параллели, трансформации и метаморфозы» обсуждаются отношения «между стихотворной фацецией, жанром, появившимся в русской литературе в конце первой половины – середине XVIII века, и одним из ее источников, переводной эзоповской басней», а также мотив «превращения человека в животное или наоборот» (с. 10). Исследовательница обратилась к сборнику «Езоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа», к которому восходят 17 стихотворных фацеций (там же). Ее интересуют случаи трансформации источника, когда «в баснях действующими лицами оказываются животные, тогда как в фацециях животных заменяют люди» (с. 11). Сравнив басню «Осел и постельная собака» и фацецию, дошедшую без начала в сборнике РНБ Q XIV. 133 (л. 7), А.В. Архангельская отметила, что «фацеция, фактически утрачивая «мораль» в традиционном, собственно басенном, структурном смысле этого слова <...> и ограничиваясь, таким образом, только «сюжетом», «синтезирует» две части басни в одну так, что само действие сохраняется, а субъектами этого действия становятся объекты приложения басенной морали» (с. 11). Проанализировав также тексты «Зайцы с лягушками», «Муравей был преже сего мужик», «Венера с кошкою», «О дворянине с девкою», она пришла к выводу, что «"очеловечивание" в фацециях басенных героев-животных осуществляется разными способами от чисто механических до интеллектуально-неожиданных». По ее мысли, это «свидетельствует о том, что создатели стихотворных фацеций при обращении к однотипным источникам использовали разные методы обработки и трансформации исходного материала» (с. 13-14).

С.М.Прохоров в статье «"Батыева печать на церкви в Городищах..."» исследует рельеф со стены храма Иоанна Предтечи в Городищах – по словам автора, это «одно из самых таинственных изображений в истории Коломны» (с. 19). На вопрос о том, что же изображено на этом рельефе, до сих пор нет однозначного ответа. По легенде, это «Батыева печать». Однако С.М.Прохоров поставил под сомнение эту гипотезу, он обратил внимание на то, что «ни время создания рельефа, ни его сюжет, ни его назначение» (с. 20) не известны. Исследователь сопоставил его с «другими изображениями, оставшимися до наших дней от средневековья» (там же) и пришел к выводу, что на изображении – зверь-хранитель храма: «Таких зверей издавна изображали над входом в храм (с другой стороны стены, чаще всего помещалось изображение

Страшного суда). Зверь, охраняющий святость алтаря, зверь, карающий грешников, таково может быть и значение коломенского рельефа» (с. 21).

О.Л.Довгий («Риторическая стратегия бестиарной инвективы в литературной полемике») исследует литературную борьбу середины XVIII в. С ее точки зрения, основным риторическим инструментом полемики В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова и А.П.Сумарокова являлась «бестиарная инвектива» – «эпидейктическая речь, только отрицательная»: «Как она работает? Она показывает отражение высмеиваемого человека в зеркале какого-то животного, чьи малопривлекательные качества общеизвестны» (с. 23-24). О.Л. Довгий составила список подобных инвектив, которыми в пылу полемики награждали друг друга поэты: скотина, собака-пес, ворона, сова, свинья, козел, муха, обезьяна, осел. Вывод: «Три поэта научили не только строить стихи, но и научили русскую поэзию смачно ругаться» (с. 34), при этом наиболее «бестиарно изобретательным» (с. 24) признается Тредиаковский, поэт, на попроще литературных войн выступивший менее выразительно и успешно, чем Ломоносов и Сумароков.

А.Ю.Соловьев («Собачка Love и другие сентиментальные звери») задался вопросом, почему образ собаки «оказался востребованным» (с. 39) в литературе русского сентиментализма вообще и в «Путешествии в полуденную Россию» В.В.Измайлова в частности. Ответ на этот вопрос дается в рамках описанного Ю.М.Лотманом «принципа двойного кодирования» текста: «Произведения, подобные «Путешествию в полуденную Россию» <...> находятся на грани между фактом и вымыслом, рассказом о совершенной поездке и художественным произведением; претендуя на то, чтобы считаться высокой литературой, они в то же время не спешат отказываться от описания непосредственных впечатлений и даже настаивают на этом, обретая (а иногда и не обретая) свою подлинность на пересечении этих двух интенций. Едва ли не самый существенный способ заставить поверить читателя в свою подлинность (а, может быть, и следствие такого промежуточного положения) – включить его самого в повествование. Насыщенный предназначенными для самого широкого читателя культурными аллюзиями текст одновременно с этим нагружается деталями, как будто не представляющими интереса для посторонних, намеками и ссылками на обстоятельства и имена, знакомые только ближайшему окружению автора. Но поскольку каждый читатель все равно читает оба слоя текста, независимо от того, верно прочитывает он их или только принимает условия игры, предложенные писателем, то потенциально любой становится в один ряд с формальными адресатами произведения – родными и друзьями повествователя. Одной из форм выражения двойной коммуникации в тексте измайловского «Путешествия» и кажется нам образ собачки Лов. В нем сочетается отсылка к стернианской традиции, понятная абсолютному большинству читателей в ту эпоху, и сопровождающие данный образ домашние интонации, относящиеся в большей степени к «внутреннему человеку» (с. 40).

Т.А.Алпатова в работе «"Жеманный кот" и "школа гармонической точности" в русской поэзии: опыт анализа приемов художественной выразительности» предложила свою интерпретацию строкам из пятой строфы пятой главы «Евгения Онегина». С точки зрения исследовательницы, использующей терминологию Л.Я.Гинзбург, образ жеманного кота «оказывается связан с поиском новых приемов художественной выразительности <...> и таким образом был приметой становления новой поэтической школы <...>» (с. 44). Т.А.Алпатова исходит из того, что «бестиарная образность» в XVIII в. «сравнительно редко входила в художественный текст вообще, и тем более не бывала предметом самостоятельного художественного освоения» (с. 45). «Поворот в представлении бестиарной образности» произошел в творчестве Г.Р. Державина. Вывод: «Лукавый кот» в «Графе Нулине», как и «жеманный кот» «Евгения Онегина» стали в пушкинском художественном мире своеобразным воплощением нового взгляда на окружающее, для

которого несущественны привычные границы «высокого» и «низкого» и прекрасное является в каждом, на первый взгляд непритязательном и привычном» (с. 48).

Ю.Б.Орлицкий в статье «Бестиарии» и бестиарий Александра Кондратова» обратился к стихотворным циклам петербургского поэта «Бестиарии». А.М.Кондратов, по наблюдениям исследователя, создал «несколько параллельных бестиариев» (с. 106), которые сочинялись в течение нескольких десятилетий и неоднократно переделывались; в архиве писателя сохранился план возможной книги, которая была разделена на следующие части: «Происхождение жизни», «Зоо», «Аква», «Терра» и «Хомо». Ю.Б.Орлицкий полагает, что «в создаваемом поэтом Бестиарии люди уравниены с животными, а животные, даже самые простейшие, сопоставляются с людьми, оказываются носителями их качеств и т.д.» (с. 108). Этот факт позволил ему сделать вывод о том, что незавершенная книга Кондратова – это «оригинальный проект построения новой модели земной цивилизации» (там же).

А.Е.Махов («Странные сближения в бестиарной эмблематике: опыт риторической интерпретации») обращает внимание на наличие иерархии в эмблематическом сравнении: «Сравнение героя по силе со львом воспринимается как иерархия, в которой лев стоит выше героя на шкале храбрости; сравнение «поднимает» героя до уровня льва. Если же мы сравним добродетельного мужа по признаку его стойкости с мухой <...> то и это сравнение не может не восприниматься как иерархия, в которой муха стоит ниже добродетельного мужа; сравнение, таким образом, «тянет вниз» свой предмет» (с. 145). Два этих типа А.Е.Махов относит соответственно к риторическим режимам гиперболы и литоты (с. 145-146). С помощью последнего героизм может «превращаться в прозаизм» (с. 146). Для обоснования этой гипотезы автор анализирует четыре эмблемы: конь, пьющий воду, японская птица с рогом на голове (обе из Иоахима Камерария), слон герцогов Малатеста и слон, убивающий мух Николая Таурелла. Основной вывод, к которому приходит исследователь, сводится к следующему: эмблема – «двусмысленная конструкция»: аналогия, на которой она строится, «может конфликтно сталкиваться <...> с аргументацией» (с. 152).

Д.А.Зеленин в статье «Мифологический бестиарий “Emblematum liber” Андреа Альциати» описывает «бестиарную составляющую» (с. 155) «Книги эмблем» А.Альциати. С 1532 по 1790 г. эта книга выдержала более 130 изданий. Автор посчитал количество упоминаний животных в ней: «На этих 115 эмблемах (из 212) мы отметили 50 различных зверей. Статистика показала, что наиболее часто встречающийся здесь бестиарный образ – это змей или дракон (14 раз), за ними следуют лев (9 раз), собака (6), козёл (5), коршун (5) и т.д. Вместе с тем многократно встречаются различные виды птиц (20) и рыб (9), а также нередки и следующие интересные нам в рамках данной работы «химеры» (т.е. существа, объединяющие черты разных животных): гарпии, кентавры, сфинкс и, конечно, сама Химера» (с. 155). Подробно исследователь описал 16 эмблем из этого сборника.

О.В.Субботина в статье «Образ Левиафана в гравюрах европейских первопечатных книг XV века» анализирует иконографическую традицию изображения ада как пасти Левиафана, которая возникла в IX в. Причем, если сначала она представляла в виде некой границы, перехода из одного пространства в другое, то затем уже все пространство преисподней отождествлялось с этой пастью (с. 169-170). В XI-XII вв. данный мотив модифицировался, и появились изображения адской пасти, больше напоминающие льва (с. 167). К XV в. круг сюжетов значительно расширился, и «все сложнее отождествлять адскую пасть с конкретным животным, зооморфные черты постоянно варьируются и комбинируются, адская утроба похожа то на льва, то на демона, то на дракона» (с. 171).

О.А.Кулагина в работе «Бестиарная метафорика в поэзии Ж.Превра» рассматривает «зооморфные метафорические сравнения» (с. 191) в произведениях французского поэта. Чаще всего они оказывались связаны с мотивом любви. Наиболее показательными в этом контексте, по словам О.А.Кулагиной, являются стихотворения «Les enfants de bohême» («Дети свободы») и «Le lézard» («Ящерка»). Кроме того, бестиарные метафоры могли использоваться Превром для изображения солнца. В результате, исследовательница пришла к выводу, что поэт использовал зооморфные метафоры «с одной стороны, для демонстрации превосходства животного мира над человеческим, и, с другой стороны, для иллюстрации слабости и даже бессилия человека перед чувствами и силами природы» (с. 195-196).

* * *

Для читателей, которые еще не успели ознакомиться с книгой, помещаем здесь полное оглавление третьего выпуска:

РОССИЯ

Архангельская А.В. Люди и звери в баснях и фацециях: параллели, трансформации и метаморфозы

Рудомазина Т.Б. Образы животных в древнерусской повести о княжеском убиении

Прохоров С.М. «Батыева печать на церкви в Городищах...»

Довгий О.Л. Риторическая стратегия бестиарной инвективы в литературной полемике

Соловьев А.Ю. Собачка Love и другие сентиментальные звери

Алпатов Т.А. «Жеманный кот» и «школа гармонической точности» в русской поэзии: опыт анализа приемов художественной выразительности

Розина И.В. Бестиарий сна Татьяны: от сказки к триллеру

Львова А. Бестиарный код романа Ю.Н.Тынянова «Пушкин»

Пашина Ю.Б. Антропо- и зооморфизмы как способ репрезентации хода времени в произведениях Б. Зайцева

Крылова Н.В. Лошадиный топос в русском поэтическом авангарде (случай В.В.Маяковского)

Морева Ю.В. Мотив превращения в животных в сборнике «Простое как мычание» В.Маяковского

Устинов А.В. Анимализм в романе Д.Л.Мордовцева «Великий раскол»

Тюпа В.И. Крысы и волки в «Докторе Живаго»

Орлицкий Ю.Б. «Бестиарии» и бестиарий Александра Кондратова

Скрябина А.В. Игра в кошки-мышки: о кошках, мышках и не только в произведениях Н. Кононова

Давыдов Д.М. Детские страхи и детские надежды: инфантильно-бестиарное в русской поэзии XX – начала XXI века

Казмирчук О.Ю. Образы говорящих животных в литературном творчестве детей

Выренкова А.С., Орехов Б.В. и Резникова Т.И. Типологическая база данных глаголов, обозначающих звуки животных

Косов И.М. Стихийная лингвистика Е.П.Блаватской и зооморфность в русском поэтическом модерне

ЗАПАД

Николенкова Н.В. Описание рыб в церковнославянском переводе географического атласа середины XVII века: реалии или мифы?

Махов А.Е. Странные сближения в бестиарной эмблематике: опыт риторической интерпретации

Зеленин Д.А. Мифологический бестиарий "Emblematum liber" Андреа Альциати

Субботина О.В. Образ Левиафана в гравюрах европейских первопечатных книг XV века

Нестеров А.В. О портрете Генри Ризли, графа Саутгемптона работы Джона де Критса, или Символ vs. Нарратив

Рыбина М.С. Застывший полёт бабочки у М. Пруста: риторический аспект

Кулагина О.А. Бестиарная метафорика в поэзии Ж.Превра

Чиколони О.А. Метафорика романа Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй»

Попова А.А. Репрезентация животных образов в творчестве У.Берроуза, В.Вулф и Т.Элиота

Фалалеева С.С. Человек – животное – монстр: антропологическая проблематика и семантика анималистических образов в творчестве Олдоса Хаксли

Федунина О.В. Образ кошки и его функции в криминальном сюжете («Щепка» А.Левина)

Закутняя О.В. Коралина и кот: имя, роль и место чёрного кота в системе персонажей повести Н.Геймана Coraline и мультфильма Coraline Г.Селика

Вульф З. Животные-литераторы и их литературные стратегии

Антанасиевич И. «Зверье» югославских войн

Лемберг О. «Кто сказал «Мяу»: кошки в картах Таро

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Риторика бестиарности : Сборник статей / сост.: А.Л. Львова, О.Л. Довгий; науч. ред. О.Л. Довгий. – М.: Intrada, 2014. – 270 с.

© Ивинский А.Д., 2014.

Материал поступил в редакцию 21 августа 2014 г.

Ивинский Александр Дмитриевич,

кандидат филологических наук,

младший научный сотрудник филологического факультета

МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва),

e-mail: ivinsky2008@mail.ru

UDC 808.1

Ivinsky A.

CULTURE AND BESTIARY

Abstract. In the review collection of essays «The rhetoric of bestiary» (Moscow, 2014) is described. It consists of works in Russian and European medieval and modern literature, linguistics, art studies and cultural science.

Key words: bestiary, literary history, cultural science, linguistics, art studies, rhetoric.

Ivinsky Alexander Dmitrievich,

Ph.D., researcher,

Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow),

e-mail: ivinsky2008@mail.ru